

СМИРНОВА ИРИНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

КАК ПРОЙТИ
В БИБЛИОТЕКУ?

Ирина Смирнова

Как пройти в библиотеку?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67816802

SelfPub; 2022

Аннотация

Ты никогда не мечтал попасть в параллельную реальность? Поход в библиотеку многое изменит в твоей жизни. Задница найдет приключения, а сердце... первую любовь. Эта история о трех молодых людях, пытающихся разгадать, что происходит в одном из миров и как это отразится в другом. Ведь все непонятные и таинственные события связаны в один прочный узел, и разгадка прячется в старой заброшенной библиотеке. А в процессе поиска ответов так легко затеряться в вопросах... Запутаться между голосом разума и шепотом сердца.

Содержит нецензурную брань.

Ирина Смирнова

Как пройти в библиотеку?

Глава 1

Евгеника:

За окном снова лил дождь, и настроение у меня было отвратительное. Мать в очередной раз совсем уже нетактично намекнула, что она в моем возрасте меня нянчила. А я до сих пор не замужем, и непонятно, о чем думаю.

– Ты должна наконец сделать выбор! Вот смотри: Эмиль – приятный молодой человек, Гектор – уже лейтенант, через десять лет станет полковником. Дореш – тоже очень милый...

Еще бы Дореш был не милый, когда у его отца сеть кондитерских фабрик по городу. И Эмиль тоже приятный, потому что у него отец – владелец одной из трех крупнейших телекоммуникационных компаний по всей стране. А Гектор – солдафон, и шутки у него дурацкие.

– В конце концов, в твоей академии тоже есть приличные молодые люди, я уверена! Вот тот, кто в последний раз тебя провожал...

Угу, кто-то провожал... Сразу после ресторана, где мы отгуляли всей группой до самого закрытия. Я спустила там все свои карманные деньги, но зато была счастлива, танцевала с кем хотела, говорила что думала и так громко, как мне этого

хочется.

Мама пока еще помалкивает по поводу моей привычки задерживаться раз в неделю до полуночи, а то и дольше, но вскоре и это будет поставлено ею мне в укор.

Уверена, она вот-вот напомнит, что позволила мне учиться там где хочется, но это же не означает, что я буду работать по специальности!

Да боги нас спаси! Конечно, женщина из приличной семьи не должна работать. Она должна выбрать себе мужа, который с радостью впряжется в семейный бизнес. Сеть кафетериев и три гостиницы прямо в центре столицы ждут, вместе с моим отцом, когда же я нагуляюсь и приведу кого-нибудь ему в помощь.

Есть, конечно, дичайший вариант – я сама выпрошу у мамы кафе на окраине и попробую не угробить его своим чутким руководством. Но это вряд ли – у меня никакого желания погружаться во все это безобразие нет и не предвидится. И гостиницами заниматься я тоже не жажду. Но выбора-то только два – или потихоньку впрягаться самой, или выйти замуж и свалить все на мужа.

Само собой, мать надеется на второй вариант, вот и волнуется.

В принципе, и мне уже пора начинать волноваться – до выпуска осталось всего несколько месяцев, а я клятвенно пообещала папе, что помощь придет к нему сразу после того, как я получу диплом.

Едва дождавшись окончания воскресного обеда, когда мы все собираемся вместе и прислуге не приходится накрывать стол несколько раз, я отодвинула от себя кружку с недопитым чаем и искоса посмотрела на мать, намекая, что уже наелась. Вставать из-за стола, пока хозяйка дома еще сидит, считалось верхом неприличия, даже если нас за столом всего пятеро.

– Допей чай и доешь кекс, – мама кивнула на мои жалкие потуги размазать по тарелке не очень вкусную выпечку. – Алита старалась все утро, так что соизволь оценить ее усилия по достоинству.

Что ж, раз кекс пекла Алита, не будем подставлять ее под наказание. Она хорошая девочка. Вот второй нашей кухарке я с радостью сделала бы гадость, но, к сожалению, она готовит так вкусно, что о гадости я вспоминаю, уже доедая добавку.

– Вот теперь можешь идти, – величественно кивнула мама. – И не забудь о нашем разговоре.

Я обреченно кивнула, присела в быстром реверансе и как можно скорее сбежала наверх, в свою комнату. Там я вытащила запрятанный в тайнике под кроватью личный ноут, подключенный к общей мировой сети не через семейную линию, а через отдельную, сделанную специально для меня Эмилом.

Приятный молодой человек, и семейный бизнес у него очень приятный. Телекоммуникации – это дорога в буду-

щее... Прямо даже жаль, что мне с ним не по пути, причем дважды – он, конечно, третий сын в семье, но свое будущее видит в помощи своему собственному отцу, поэтому и жену ищет среди «своих». Мои гостинично-кофейные богатства ему не сдались абсолютно.

Но как друг он меня вполне устраивает, так же, как я – его. Вот я и принялась жаловаться ему как другу...

«Странно, что твои не въезжают – вам нужен энергичный парень без гроша за душой. Ну или кто-то вашего круга, тоже с кафешками по городу».

Мои въезжали – вернее, отец въезжал, даже намекал несколько раз, но мать постоянно капризничала.

Она была категорически против «бесприданника», а в семьях с пересекающимся или смежным бизнесом «приличных мальчиков» нужного возраста, кроме принца-карамельки Дореша, не наблюдалось. Выбирала мама из вторых-третьих сыновей, само собой, потому что объединяться и сливаться с кем-то мои родители не желали. Не для того они, видите ли, столько лет раскручивались, чтобы быть поглощенными более сильной компанией.

Угу... а о том, чтобы взять в семью кого-то из более слабых или равного уровня, даже речи не шло. Хотя если бы я притащила и поставила их перед фактом, то смирились бы. Печаль в том, что тащить было некого...

Неурожайная какая-то была пятилетка в сферах общепита и гостиничного бизнеса. Рождаемость низкая. Так что ро-

весников днем с огнем, а ведь среди них еще надо было что-то адекватное отрыть!..

«А ты устрой конкурс! Выложи свое фото в купальнике, только лицо спрячь под маской. Скажи, что ищешь мужа... ;)»

«Эмиль! Ты гений! :-*»

«В своей гениальности я даже не сомневался. Ну и еще это прекрасный повод увидеть тебя в купальнике =)».

Зараза, конечно, но идея же и правда замечательная! Правда, мужа надо выбирать, помня о том, что ему придется управлять нашими кафетериями и гостиницами, но я продумаю конкурсное задание с учетом этого момента. Причем лучше всего пустить его первым, а значит, надо посоветоваться с отцом.

Спустя полчаса у меня был список самых простых вопросов для собеседования на различные должности, который я между делом выпросила у ничего не подозревающего папы.

Само собой, прямо в лоб я ничего подобного спрашивать не собиралась. Креативный подход – наше все! И понятное дело, мне не нужен готовый специалист. Мне нужен тот, из кого отец сможет со временем слепить себе помощника.

Еще час усердного пыhtения и совместного ржания с Эмилем, и у меня были тестовые задания, которые должны пройти все имеющиеся кандидаты.

Начнем, пожалуй, с уверенной правильной речи и властного голоса. Отец сказал, что это тоже очень важно... так что

пусть стихи мне вслух читают или хвалебную оду собственного сочинения.

А в задачнике «Аудиторы шутят» достаточно много сурового бухгалтерского юмора, причем, учитывая название, весь юмор нацелен как раз на то, чтобы бухгалтера завалить на ровном месте. Тестировала я на Эмиле – если он понимал, о чем речь, и давал правильный ответ, значит, задачку можно было брать.

«Десятка хватит, как ты думаешь?»

«Давай посчитаем. На тебе должны быть: трусики и лифчик, юбка, блузка...»

«Чулки, две штуки, шарфик, ленточка в волосах...»

«Да ты издеваешься?! Как ты сможешь сексуально снять ленточку?!»

«Я?! Включай видео, сейчас покажу!»

Глава 2

Евгеника:

Ха! Ленточку из волос сексуально? Сейчас...

Я включила музыку, одернула домашний халатик, скинула тапочки с большими розовыми помпончиками и приняла вызов на видео.

На экране ноута засветилась довольная веснушчатая морда моего лучшего друга. Голубые глазищи предвкушающе сверкали, волнисто-блондинистое безобразие на голове поблескивало едва заметной рыжиной.

– Ну, жги! – хмыкнул он и с видом эстета-ценителя отки-

нулся в кресле.

Я сделала несколько танцевальных па под музыку, потом повернулась к нему задом и покрутила попкой, зная, что это его... эм... слабое место, так скажем... Даже ладонями себя погладила и халатик чуть задрала...

– Ты это... ты ленточку обещала! А не издеваться перед сном! – возмутился Эмиль. – То, что у тебя фигура – зашибись, я в курсе!

Я развернулась лицом к экрану, подмигнула, соблазнительно облизнув губы и с удовлетворением заметив, как бедный парень жадно сглотнул. Если лучшего друга при виде меня так пробирает, значит, незнакомых еще сильнее может шибануть...

Но я на всякий случай еще огладила себя по бедрам, по талии, даже по груди... ну чтобы наверняка! А потом быстрым движением сдернула ленточку с конского хвоста на голове и покрутила шейей, заставляя волосы красиво рассыпаться по плечам.

– Пойдет? – ехидно уточнила я у застывшего Эмиля, жадно поедавшего меня глазами через экран.

– Это был самый страшный облом в моей жизни! Давай следующий вопрос... повышенной сложности! За халатик!

Показав язык, я отключила видео и, довольно усмехаясь, напечатала:

«Значит – ленточка, шарфик, блузка, юбка, чулки, лифчик и трусики. Восемь вопросов получается».

«Я на все ответил! ;)» – напомнил мне Эмиль и прислал смайл кота в позе ожидания. Угу, знаю я, чего этот кот ждет.

«Ты вне конкурса».

«Именно! Я – тестер. Ленточку я одобрил. Теперь давай шарфик!»

«Обойдешься, ты меня без шарфика уже видел :Р».

По зрелом размышлении я решила, что отрываться сначала самой, а потом требовать такого же от мужчин в корне неверно. Надо действовать наоборот. Пусть сначала они мне присылают фото и видео. Ладно уж, не стриптиз, но чтобы фигуру я смогла оценить... А, и еще обязательно какое-то достоинство, выгодно выделяющее из массы претендентов. Не внешнее, а внутреннее, и речь не про органы!

Это отцу, в конце концов, помощник нужен, а я мужа ищу. Мне с ним спать иногда придется и жить рядом.

И раз уж развлекаемся на всю катушку, значит, можно и на домашний быт протестировать. Как он поступит с провинившейся прислугой, например? Или что он думает о женщинах, работающих наравне с мужчинами?

Эмиль вот искренне считал, что это позор на голову мужа и ни о каком равноправии речи быть не может. Мужчина работает, женщина сидит дома, занимается детьми, следит за прислугой. Если мужчина не в состоянии оплатить прислугу, то нечего и жениться... Ну или пусть приходит с работы, готовит ужин, убирается в квартире и развлекает жену, которая весь день без него скучала. Правда, при мысли о подоб-

ном раскладе у Эмиля начинал нервно подергиваться глаз, и я его прекрасно понимала.

Уровень бедности, при котором нельзя себе позволить нанять живую прислугу, можно было представить легко. А вот жизнь тех, кому не хватает даже на элементарных роботов, убирающихся дома и готовящих еду, представлять никому не хотелось.

Это была низшая каста... Ужастик. Жители иного, нижнего мира. Отбросы общества, лишившиеся всего имущества по каким-то причинам – страсть к азартным играм, крупные административные штрафы, какие-то преступления против общества, когда происходит не только полная конфискация имущества, но и тюремное заключение. А если денег на уплату долга не хватило, то и...

Нет, та же Алита обручена с кем-то из своего круга и собирается работать у нас кухаркой, пока они с мужем не заработают на двухкомнатную квартиру и медицинскую страховку для третьего члена семьи. Иначе государство не позволит им завести ребенка. А если они решатся на него незаконно, то им потом придется за бешеные деньги оформлять ему документы задним числом. Или лечить и учить дома, выплачивая ежегодные штрафы за нарушение закона. Понятно, что о втором или третьем малыше при таком раскладе даже речи не будет.

Ну и куда потом устроится это дитя? Разве что тоже кухаркой, как его мать, или рабочим, наблюдающим за робо-

тами на заводе, как отец. Хотя нет, на завод его не возьмут без аттестата о среднем техническом образовании. Так что остается только прислуга, но не каждая семья согласится нанять «незаконныша».

Поэтому работающая жена – это всегда первый звоночек об опасности, сигнал о том, что семье не хватает денег. Конечно, в случае с моей семьей сразу понятно, что это блажь глупой девчонки, которой потакают взрослые. Развлечение незамужней избалованной куколки, решившей поиграть в равноправие и сравняться с мужчинами, опустившись до их уровня.

Но, естественно, в картине мира окружающих меня парней работающая жена была кошмаром, а не мечтой.

Да, последние лет так сто женщины решили, что образование им не помешает, к тому же пользоваться техническими новшествами гораздо удобнее, если хотя бы смутно понимаешь, как они устроены. Ну и опять же, все время сидеть дома скучно, так что можно развлечь себя какой-нибудь гуманитарной наукой. Но в основном, это все было так, второстепенно-поверхностно, от скуки. По-настоящему учиться желало очень небольшое число молодых женщин, и уж совсем единицы продолжали развиваться и повышать уровень своего образования после того, как выходили замуж и рожали пару-тройку детей.

Предназначение женщины – наслаждаться жизнью так, как ей нравится, а задача мужчины – обеспечить свою жен-

щину всем, что ей необходимо для наслаждения.

Музеи, библиотеки, кинотеатры, прогулки на природе... Бассейн, спортивный зал, салон красоты... Детские кружки, если тянет какое-то время провести с ребенком!..

Дочери маминых подруг посматривали на меня с недоумением. Ладно бы я получала образование, хоть как-то связанное с семейным делом. Я же поступила и училась в техническом институте!.. Где женщин днем с огнем... зато заумных слов и непонятных терминов навалом!

Но я проспорила Эмилию, вернее – переругалась с ним в пух и перья, и назло ему... поступила! Набрав даже больше баллов, чем он. Правда, это был временный успех, но его хватило, чтобы в группе относились ко мне с уважением. Как к странной шизанутой на всю голову настырной богачке, которая почему-то «шарит» почти по всем предметам.

И вот теперь, с упорством, достойным лучшего применения, я две недели – две недели! – только и делала, что тестировала всех, возжелавших моего тела. Свое фото в купальнике я «зажала» до последнего этапа, ибо иначе снятие блузки и юбки не будет достойным стимулом.

Я заманивала народ «расчлененкой», как обозвал все это дело Эмиль. Прошедшие на очередной уровень получали фото моей ножки, руки, живота, груди... в купальнике, естественно! Но не видели целой картинки. Желавшие могли собирать из моих фото пазл, и я уверена, что многие так и делали.

Я даже не ожидала, что окажусь настолько востребована сама по себе, без семейного бизнеса за спиной.

Ведь даже в группе знали, кто такая моя мать, хотя я и скрывалась весь первый курс как могла. Ездила в метро вместе со всеми, конспиративно игнорируя Эмиля, а водитель встречал меня уже на центральной пересадке.

Но все равно в итоге каким-то непонятным образом все стало всем известно. Тогда я расслабилась, перестала играть в агента под прикрытием, подвозила тех, кто жил по пути, тратила карманные деньги, стараясь не заострять внимание на том, что это – на мелкие расходы, потому что у многих таких сумм никогда в руках не было.

Только ощущение легкости и вседозволенности пропало, просыпаясь лишь в ресторанах, где мы кутили, танцевали, обнимались, целовались... не помня кто с кем.

А потом ответственный Эмиль загружал меня в свою машину, довозил до дома, доводил до парадного входа и сдавал с рук на руки дворецкому или отцовскому камердинеру. Приятный молодой человек... да...

А сейчас я снова чувствовала себя... отдельной личностью. Я знала, что мною восхищаются, не зная, кто я. Не подозревая, что проходят отбор у одной из самых завидных невест столицы. Это было так... захватывающе! Я устраивала сеансы односторонней связи, когда меня не видно и не слышно, а мой собеседник весь целиком передо мной. Я наблюдаю за ним, слушаю его голос, он отвечает на мои вопро-

сы...

Эмиль действительно предложил гениальную идею. Ведь обычно кандидатов в мужья выбирают матери, а дочерям, если повезет, позволяется выбрать из трех-четырех избранников.

Тут же я резвилась сама, в одиночестве. Пользуясь тем, что у меня все же очень лояльные родители, балующие и меня, и сестер.

Глава 3

Вячеслав:

Первым делом, вернувшись с тренировки, я включил комп и пошел рыться в холодильнике на предмет чего бы схомячить. Нарыл, настругал салат, разогрел кусок свинины, покидал все это в большую миску и рванул обратно, к себе в комнату.

Игра как раз загрузилась, супер! Так, кто там у меня сегодня в противниках? «Тринити». Отлично, кликуха девчачья, но соперник из этой Тринити очень даже не слабенький.

– Ну что, бьемся?

– Бьемся!

– Ща, салат уконтрапуплю...

– Давай, только быстро, а то у меня тут ночь.

– Так ты звук потише сделай.

– Не учи ученого, все под контролем, кроме предков.

– Сочувствую. Ну все, я готов!

Пустая миска была отодвинута в сторону, и я полностью

переключился в происходящее на экране... Ровно до того момента, когда неожиданно мигнул свет. Причем мигнул так, отверткой им крестовой в задницу, что даже моя навороченная упса не выдержала. На экране компа была такая же темень, как и по всей квартире.

Матюгнувшись, я встал и на ощупь двинулся к электрощитку. Сначала надо посмотреть свой собственный, потом уже подъездный... Но на половине пути свет снова мигнул, осветив квартиру. Не мою, мать вашу, квартиру!

Мало того, в этой квартире я был не один. В дверях стоял представительный такой дядька в форме, явно военной, только не определить, какой именно, и за ним два жлоба... Уж на что я не маленький, но вот тут каждый как два меня в плечах и метра так два в высоту. Не, два с лишним, потому что ж явно на голову выше. Два брата-близнеца, одинаковых с яйца...

– День добрый, господин Иванов.

Так, квартира, конечно, не моя, а вот фамилия – родная, редкая, от батяни перепавшая. Единственное, что мне от него перепало, так это фамилия. Ну просто у матери Гарамундинова, так что она волевым решением меня под фамилией отца записала. Хотя все думали, что она эту фамилию с потолка взяла... А вот и нет, ни я, ни фамилия были не с потолка...

– Да, это я. Чем могу быть полезен?

Я, когда надо, могу и по отцу, и по матери, а иногда могу

и вежливым побыть. Тут вот явно требовалось быть вежливым, к тому же с квартирой не понятно, что случилось.

– Ваш долг государству превысил допустимые законом размеры, так что теперь все ваше имущество будет распродано, вместе с вами. Время вашего пребывания в рабстве будет зависеть от суммы, которую государству удастся получить после распродажи всего остального.

Я как стоял, так по стенке и стек.

– Послушайте, тут явно какое-то недоразумение. Какой долг? Я вообще еще студент же, последний курс.

– Вы, господин Иванов, не волнуйтесь. Если недоразумение, то вас обязательно выпустят и даже извинятся, – в голосе мужчины послышалась ехидная насмешка.

Ну да, ну да, выпустят и извинятся. Как же...

– Адвоката, – выдавил я, вспомнив правила поведения в подобных случаях. – И звонок матери!

– От вашей матери у нас есть подписанное согласие о невмешательстве и отсутствии наследственных притязаний на все, кроме квартиры. Так что, учитывая сумму долга, отработать вам придется лет так десять, не меньше.

В голосе мужика промелькнуло что-то похожее на сочувствие, но он тут же отошел в сторону, а два амбала подхватили меня под белы ручки и понесли вон, на улицу, в темноту, в рабство...

В рабство?! Нет, наверное, меня током каким-то странным образом шарахнуло и я лежу дома, весь такой несчаст-

ный, но живой и свободный. Завтра оклемаюсь, и все будет хорошо. Да, обязательно так и будет.

Ментовка у них была так себе, прямо скажем. Хотя с виду чистенькая такая, кафелем пол выложен. Мы сначала по лесенке вверх, потом по коридорчику вбок, потом по лесенке вниз, меня в темноту бумс и дверью за мною хлоп.

Я встал, огляделся, тишина кругом. Неужто одноместный номер? На ощупь нашел что-то похожее на кровать и упал на нее, не раздеваясь.

Квартира не моя, мать тоже какая-то не родная... Отказалась от меня, но претендует на квартиру... Совсем на нее не похоже. Выводы? Я что, попаданец, мать вашу?!

Ну или помираю где-то в своем мире, причем конкретно так помираю. Раньше единственные длинные сны на моей памяти были только про голых теток. А тут пока только мужики одни, хорошо хоть одетые.

Хорошо, что я салат успел схрумкать, потому что кормить меня никто не собирался. На мне вообще зверски сэкономили – еды нет, света нет, подушки на кровати и той нет. И квартиры у меня теперь, выходит, тоже нет?!

Так, предположим, что я сплю. Щипать я уже себя пробовал – не помогает. Значит, легко и просто проснуться не выйдет. Обидно, но и не из такой жопы вылезали. Понять бы только масштабы жопы.

Предположим, только предположим... что я не сплю. Иять...

Интересно, может, соус в салате был просроченный или огурчики не на тех химикалиях выращены? Нет, это я опять о хорошем, что лежу у себя и глюки ловлю от отравления... Кстати, тогда надо срочно очухиваться и скорую вызывать! К тому же ладно бы гурии с опахалами, а тут менты ж... Форма такая, грязно-зеленого цвета, сразу мысли о защитке навевает. И погоны ж!.. И нашивки на рукавах. Только левые какие-то, ни туда ни сюда, никуда. Непонятно какой страны, короче.

Так что странные у меня глюки, не по игре, не по реалу, словно у меня вдруг воображение проклюнулось, которого отродясь не наблюдалось. Ток? Яд?

Нет, Славик, жопель явно глубже...

Тут в мой кошмар вернулся уже знакомый мне представительный дядька и объявил:

– Гражданин Иванов, мы проверили все документы и рассчитали остаточную стоимость конфискованного у вас имущества. По нашим расчетам, максимальный срок вашего неоплачиваемого контракта с покупателем будет составлять пять лет.

– А минимальный? – нет, ну логично же, если есть максимум, значит, должен быть и минимум!

– Минимальный – хоть один час, если ваш первый покупатель пожелает передать контракт на владение вами кому-то ещё.

По-моему, мужик надо мной откровенно издевался. По

крайней мере, с моей колокольни все сказанное выглядело как глумеж, за который по-хорошему полагалось бы дать в морду... Но я уже успел разглядеть, что этот гад руки за спиной не просто так держит, а прячет какую-то дубинку.

Я-то стоял в полной темноте, а дядька этот представительный – на свету, в дверях. И успел разик боком повернуться, пока меня взглядом искал. Так вот дубинка эта явно была не дубовая, а, скорее всего, металлическая, потому как вряд ли дерево стали ради прикола в стальной цвет красить.

– Сами выйдете, гражданин Иванов, или сопротивляться станете? – поинтересовался мужик, изучая меня так, словно партнера на спарринг выбирал.

– Это чтобы дать вам повод меня той штукой по голове огреть?!

Внутри у меня паника разрасталась в геометрической прогрессии, и в конце концов я не выдержал, поддался... Если сон – проснусь, если не сон – засну и, может быть, проснусь у себя... Потому что мне в этом глючном мирке совершенно не понравилось!

Так что я спокойно посмотрел на застывшего в дверях дядьку, а потом, издав резкое «Х-х-ха!», прыгнул вверх и вперед, вдарил пяткой ему в грудь, выхватил из обмякших рук палку и понесся по коридору, метеля всех, кто встречался у меня на пути. Я почти добежал до какой-то огромной двери, явно на свободу... вот прямо чуял, как от нее свободой пахнет!.. И тут у меня в черепе что-то звякнуло, мырг-

нуло... и свет погас!..

Глава 4

Вячеслав:

– Говори сразу, сколько. Ты же знаешь, деньги – не проблема, найду.

– У него красный контракт, но не вечный.

– За двадцать пять лет с телом все что угодно произойти сможет, сам понимаешь...

Сначала голоса в моей голове звучали слишком тихо, словно сквозь вату, но потом стали, наоборот, гроыхать, как колокола. И то, о чем они гроыхали, мне категорически не нравилось. Особенно про двадцать пять лет... Мужик из прошлого сна про контракт на пять лет говорил, с чего вдруг срок увеличился?

– Он особо опасный, за ним присматривать станут, пока полностью в расход не спишут. Так что ничего особо крутого с ним провернуть не получится.

– Я с мозгом собираюсь поработать. Он уже никому не понадобится, а мне для диплома как раз самое то.

– Слушай, не знал бы я, чем именно ты занимаешься...

Тут голоса снова начали удаляться или заглушаться. И, несмотря на легкую панику, я или заснул, или опять потерял сознание.

Второй раз я очнулся в тишине, полежал какое-то время, прислушиваясь к своим ощущениям. Мозг вроде был все тот же, старый, капитально сглюканувший с этим странным

сном. И руки были мои, и ноги... я даже смог присесть на кровати и оглядеться... и тут же снова прилег, прикинувшись поленом.

– О, ну надо же! Евгеника, очнулся мой эксперимент! Идите снимайте, только быстро...

В комнату, вернее в палату, ворвалось сразу трое – две девушки и один парень, неказистый такой блондинчик с мелкой россыпью веснушек на носу. Вот девчонки были очень ничего, миленькие такие, стройненькие, фигуристые, в глазах чертики... Особенно у той, что руководила блондинчиком:

– Эмиль, давай, нам надо снять затылок... там такая рана была! Это ж прорыв в медицине... Азалия – ты гений! У меня подруга – гений! Твоя мать теперь надолго отстанет с замужеством, вот увидишь...

При этом меня все трое воспринимали исключительно как манекен. Крутили, вертели, затылок щупали... А я лишь офигевал от их наглости, пока вконец не офигел.

– Эй, вы меня бояться должны! У меня красный контракт или что там... что-то красное... и черный пояс! Так что уберегите ваши лапы, придурки!

Блондинчик сориентировался первым. Минуты не прошло, а девчонки уже были отодвинуты к дверям, причем видеокамера оказалась у Евгеники в руках, гениальная Азалия просто застыла с открытым ртом... а сам парень уставился на меня как на внезапно восставшего мертвеца.

– Тебе ж мозги... в кашу... ты слюни пускать должен! Тебя ж на органы должны были пустить... Мы тебя для диплома Азалии взяли, под расписку...

– Сам ты... слюни в кашу! – я длинно и от души выругался, потому что этот сон уже стал очень надоедать. – Все у меня в порядке с мозгами.

– Надо его безопасникам вернуть... – прошептала одна из девчонок. Та, которая не гениальная.

Зато другая чуть не подпрыгнула и возмущенно зашипела:

– Это мой диплом! Я все засняла, но если смогу его живьем предъявить, да еще и продемонстрировать, что он не овощ, а вполне разумный...

– «Не овощ» он по ошибке, – блондинчик мне категорически не нравился, но сил драться у меня пока не было. К тому же мозг настойчиво намекал, что кошмар подозрительно затянулся, а эти трое могли мне внятно объяснить, куда именно я попал. Так что лучше бы с ними задружить...

– Предъявлять его нельзя. Ты же не объяснишь, что именно сделала, чтобы он соображать начал, верно? – оклемалась первая, с камерой в руках. – Так что или возвращаем, или...

– Ну не убивать же его?! – хорошо, что я блондинчику в морду не дал. Вон, умные мысли выдает...

– Значит... – тут все задумались до скрипа извилин.

Причем гениальная с парнем вместе очень странно смотрели на эту, которая Евгеника.

– Вы вообще представляете, как я его домой притащу?! С

красным контрактом...

– Здесь его оставлять нельзя! Это операционный блок, – ожила Азалия. – А он... не овощ! – выдала эта гениальная очевидную истину.

– Именно! – блондинчик снова влез с какими-то неправильными идеями: – Он – не овощ, а потенциальный убийца. Он безопасникам сопротивлялся! Побег пытался совершить... У него красный контракт на двадцать пять лет. Таких только в армию забирают, для опытов или еще куда...

Это «еще куда» мне совсем не понравилось. Мне вообще все не нравилось, но объяснять сейчас всем этим троем, что сопротивляться насилию – естественная человеческая реакция, было тупо лень... Организм настойчиво сигнализировал, что запас адреналина закончился и нам опять пора спать. Только засыпать было нельзя – тут моя жизнь решается. Наспался уже...

– Но сами подумайте! Мы не можем сказать, что восстановили ему мозг, значит, его... на органы... А он – нормальный... И... Мы сами тогда станем убийцами. Я так не могу! – Азалия чуть не разрыдалась, вызывая во мне сонно-вялое ликование. Меня нельзя на органы, я целый вполне себе нравлюсь.

– И что ты предлагаешь?! – вторая девчонка глазами сверкнула и руки в бока уперла, даже камера ей не помешала. – Ну купила я его по дешевке, оптом, все органы сразу. Так я ж думала его потом вернуть. Если насовсем брать, то

у меня потребуют объяснений – зачем...

– А мы что-нибудь придумаем, – пролепетала гениальная. – Паранойя перед дипломом, секретная информация... Эксперимент какой-нибудь медицинский, который провалится? А потом я попрошу папу заключение написать... И все.

– Да для чего он мне сдался, геморрой этот? У меня конкурс, отбор мужа, а я вместо приличного мальчика в дом убийцу притащу? Смотрите, мама с папой, я вам помощника достала... теперь у нас бизнес в гору пойдет, туристы в гостиницы прямо попрут!..

– Все от многих факторов зависит, – пробубнил я, напрягая мозг со всей силы. – Надо, чтобы реклама была, обслуживание, место удобное, развозка от вокзала...

– От какого вокзала? – девчонка с камерой, Евгеника, как-то прямо на глазах сдулась и даже подошла ко мне поближе, игнорируя предупреждающие знаки блондинчика. – Ты чего несешь вообще?

– А у вас что, вокзалов нет? – искренне удивился я. И это было последнее усилие моего уставшего организма, потому что потом мы с ним дружно в очередной раз отключились.

Очнулся я... в подвале вроде... короче, в каком-то, блин, очень неудобном месте!.. Замкнутое маленькое пространство без окон, тоска смертная. Опять на мне экономят. Даже кровати нет...

Зато на третьем круге обнаружил дверь, в которую при-

нялся отчаянно ломиться с упорством дикого зверя в клетке. Только не прошло и минуты, как у меня в голове что-то завибрировало и череп буквально взорвался от резкой боли. Я заорал даже вроде...

– Эмиль, придурок, зачем сразу на максимум?! Ты ему спалишь все, что Азалия каким-то чудом спасла...

Так, этот голос я знаю. Евгеника... Чем и что они мне палить собрались?! Главное, боль как резко пришла, так резко же и ушла, словно примерещилась.

Только я почему-то валяюсь на полу, обхватив голову ладонями, и горло першит, словно я голос надорвал. Реальные такие глюки, в общем. Глюк в глюке... прям матрешки...

Тут меня явно откатомшибануло, или как еще в психиатрии это дело называется? Короче, заржал я, как конь... и давай по полу валяться и гоготать... Причем на самом деле даже не смешно, просто не остановиться. В голове открылся люк, ты не бойся, это глюк. Ну а если в глюке – глюк, подтекает череп, блин...

– Заткнись, пожалуйста, поговорить надо, – спокойный голос девчонки помог мне гораздо больше, чем пинания в бок от блондинчика. Тому просто повезло, что у меня от смеха руки не поднимались в морду ему дать.

– Знаю я ваши разговоры, – фыркнув, я все-таки успокоился и уселся на пол в позе лотоса. Глаза закрыл и представил, что тут нет никого... Или нет! Я на тренировке, стоит глаза открыть – слева Илья, справа Димон. А не... это

все... «заткнись» и «пожалуйста»... Так, главное – снова не заржать.

– Азалия вставила тебе в голову чип. Пульты управления есть у меня и у Эмиля, – Евгеника продемонстрировала мне braslet на руке с кнопкой. Одной, мать ее, кнопкой...

А, нет, еще переключатель маленький, который у блондинистого Эмиля на максимуме.

– Обосраться, как круто! – обобщил я все сказанное одной фразой.

– Сама фигею, – усмехнулась девчонка. – Так что теперь, если полезешь – получишь болевой разряд в голову.

– А если не полезу? – решил уточнить я размах моей свободы. – Пожрать дадут? Кровать выдадут? В туалет бы еще сходить... А то все под себя и под себя. Одежду мне мою вернут?

– Одежду не вернут, – сразу разочаровала меня Евгеника. Блондинчик в разговор вообще не влезал, стоял, подпирая дверной косяк и олицетворяя собой максимальное осуждение всего происходящего.

– Жаль, – совершенно искренне вздохнул я, учитывая то, что на мне красовались сероватые мешковато-больничного фасона штаны с модными разрезами спереди и сзади, хорошо с запахами, а не просто дырками для свежего воздуха, и такая же сероватая майка, а в подвале было довольно прохладно.

– Но можно попробовать вывести тебя наверх, помыть и

покормить. Если пообещаешь хорошо себя вести.

– Евгеника, ты спятила? Он – убийца, а ты собираешься тащить его в свою комнату?!

– Он из отбросов, но все равно живой же. Может, у нас получится договориться. Маму я о покупке предупредила, она, правда, поняла ее цель несколько неправильно... – тут девчонка смутилась. Причем конкретно так, даже уши запылали. – Начала говорить о том, что использовать для удовлетворения потребностей отброс общества – как раз в моем духе. Хотя она понимает мой страх обязательств после секса. И то, что выходить замуж совсем неопытной глупышкой даже в ее время считалось моветоном.

– У тебя мать очень продвинутая, – чуть насмешливо фыркнул блондинчик и, кажется впервые с момента нашего знакомства, посмотрел на меня с сочувствием. – Еще и поделиться попросит... Вот увидишь.

– С нее станется... – недовольно буркнула Евгеника, пока я переваривал услышанное. То есть сначала меня продавали просто так, за несуществующие долги, потом решили пустить на органы, а теперь, выходит, я этот... отброс для удовлетворения потребностей?!

Глава 5

Евгеника:

Отбор кандидатов на роль мужа проходил довольно успешно. Из более трехсот желающих в жесткой конкурентной борьбе пострадало двести девяносто три. Осталась се-

мерка лидеров – красивые, спортивные, воспитанные и потенциально успешные для семейного бизнеса.

И тут Азалию огорошили, что для защиты конкретно ее диплома им мало одной теории и примеров операций, сделанных на трупах.

Да, она замечательно описала последовательность действий, осуществляемых над оперируемым «объектом». Перечислила все необходимые медицинские приборы, инструменты, материалы, вещества... Короче, расписала все манипуляции и произвела более десятка операций... в морге. Для диплома – достаточно, а вот для того, чтобы запатентовать метод лечения, – нет.

Мы уже были достаточно взрослыми, чтобы понимать: диплом не послужит защитой, и любой, имеющий к нему доступ, – руководитель проекта, два его помощника, те, кто будет присутствовать и оценивать... в общем, любой уже дипломированный медик, имеющий возможность добраться до живого тела, радостно запатентует это изобретение на себя. Хорошо, если хватит совести указать диплом Азалии как опорную литературу, но верить в такое – святая наивность!..

Конечно, если так поступит мужчина, закон будет на стороне Азалии, но беда в том, что среди медицинской профессуры встречалось очень много женщин. На медика надо было учиться долго, много, нудно, сама профессия считалась очень достойной, так что многие больницы и поликлиники держали в штате воспитателя, а то и нескольких, чтобы тот

проводил время с детьми сотрудников, пока те спасают, лечат или преподают.

В крупных ветклиниках, кстати, тоже была «няня по уходу за детьми». Прекрасная возможность дать работу скучающим женщинам низшего класса, у кого собственные дети уже выросли, а внуки еще не появились. Вот свою маму я возящейся с малышкой видела очень смутно, зато нагрывавшую внезапно в офис, чтобы «поболтать» с главным бухгалтером, – это да. Это она любила.

А еще мама часто улаживала дела с поставщиками, например. С чьей-нибудь женой, за чашечкой утреннего чая или бокалом вечернего коктейля. Или напрямую, заехав «по пути» в офис.

И так как я иногда даже осознанно хотела быть на нее похожей, то, принарядившись, пропитавшись уверенностью в своей неотразимости и захватив с собой карточку, на которую я почти месяц переводила все свои деньги на недельные расходы, отправилась к заведующему медицинским центром при главном городском управлении безопасностью.

Страшно было – аж поджилки тряслись, особенно когда подпись свою на куче документов ставила. О том, что отдаю себе отчет, находясь в здравом уме и трезвом разуме...

– Вы же понимаете, что это опасный преступник? Конечно, учитывая его текущее физическое состояние, он сейчас уже не опасен, но все равно, соблюдайте максимальную осторожность!

– Да, господин полковник, обязательно!

Хорошо, что у меня был опыт общения с Гектором и его отцом. Кратко, четко, по существу и без лишних подробностей. «Да», «Нет», «Надо подумать». Никаких словесных изысков. «Понял», «Не понял»... В общем, чем короче ответ, тем лучше. И главное, не путаться в званиях! Можно назвать подполковника полковником, но не наоборот...

– Операция настолько секретная, что вы отказываетесь от охраны?

– Да, пациент же будет под общим наркозом. К тому же вы сами сказали, что в его состоянии он не опасен. Мы будем максимально осторожны.

– Кнопки вызова дежурного есть по всей палате и в операционной.

– Хорошо. Надеюсь, нам они не понадобятся.

– Я уважаю секретность вашей операции, – мужчина покивал с умным лицом, крутя в руках банковскую карточку без указания имени владельца. Очень удобно для подарков без повода, просто в качестве благодарности за услугу.

Стоимость тела... в смысле стоимость контракта... красного... стоимость красного контракта на двадцать пять лет я оплатила отдельно. Полную стоимость. На всякий случай, если операция пройдет не так успешно, как мы рассчитываем.

– Мы планировали использовать его на органы...

Угу, разобрать на запчасти, положить в баночки со специ-

альным раствором и клонировать, когда возникает потребность. Нас еще в школе несколько раз водили смотреть и баночки, и процесс клонирования, когда мы изучали строение человека.

– Двойная оплата как-то компенсирует финансовые потери вашего центра?

Красный контракт стоит очень дорого, потому что покупается смертник на двадцать пять лет, то есть не просто отброс общества, о котором думать страшно... А... особо опасный преступник...

Мамочки, во что я влезаю, пытаюсь помочь подруге?! Но у нее мать категорически против того, чтобы та после интернатуры устраивалась на работу. А у Азалии – призвание, дар... И выходить замуж, чтобы съехать из дома и договариваться уже с мужем, работать ей или нет, подруга категорически не желала. К тому же она хотела работать в той же больнице, где отец, поэтому мир в семье надо было сохранять мирными путями.

Например, признанием государства ее гениальности и запатентованной операцией по восстановлению костей черепа.

– Хм... – полковник покрутил в пальцах карточку и выразительно так посмотрел на меня. Я достала мобильник, вошла в онлайн-банк, вывела нужную сумму на промежуточный, не отслеживаемый счет, спасибо Эмилю, настроившему мне такую возможность, а потом – на карточку, которой передо мной так ненавязчиво помахивали.

Я даже не сомневалась, что не пройдет и часа, как все деньги с нее будут переведены такими же окольными путями на счета полковника. Но зато он будет молчать, в отличие от моих родителей, у которых произойдет легкий такой стресс при виде суммы, которую я сняла со своего счета. На такие деньги можно было купить небольшую машину, а подобные покупки было принято обсуждать заранее, хотя бы за сутки ставить семью в известность. Все-таки это уже не мелкие расходы, а такие... средней крупности. А главное, предьявлять-то я им что буду? Диплом Азалии?!

Но сейчас я старательно держала лицо, потому что ради свободы выбора подруги мне ничего не жалко!.. Я ее понимала как никто... Другое дело, что сама я как раз совсем не горела желанием работать, ни в семейном бизнесе, ни, если честно, по специальности.

Мне хотелось бы стать такой, как мама... И чтобы меня так же любили, как ее – папа. И чтобы все успевать, быть такой же красивой, и чтобы мужчины не просто вставали, когда я вхожу, а застывали и потом с завистью смотрели на моего мужа, как сейчас все смотрят на моего отца, когда мы выезжаем куда-нибудь «в свет». И чтобы меня не тошнило от оперы и театра, потому что в приличном обществе обсуждают не сериалы, а новую постановку и оригинальное прочтение классического сюжета. Но последнее – наживное, со временем научусь обсуждать то, что мне неинтересно, улыбаться тем, кому хочется в лицо плюнуть, позволять цело-

вать руку тем, с кем в одном бы поле... Бизнес – он от нужных знакомств сильно зависит.

– Что ж, смертник ваш, делайте с ним что хотите, а потом, если посчитаете нужным, можете вернуть его нашему центру, со скидкой за перепродажу.

Мы поулыбались друг другу деснами, я собрала все бумаги и на негнущихся ногах, с прямой спиной и сжатыми зубами пошла в операционный блок, где уже готовили мою «покупку» и мельтешила Азалия, счастливая и не совсем еще осознающая, насколько она попала.

– Живой... Евгеника, он же живой! – дошло до нее, как до жирафа, когда все уже было готово к операции, Эмиль стоял с камерой наперевес, а я замерла в уголке, не отвечивая.

– Вот и не сделай его мертвым! Лечи давай, – рыкнула я на подругу, и та, глубоко вдохнув, собралась и приступила к починке черепа.

Я старалась на это все не смотреть, иначе меня бы стошнило... прямо на пациента или рядом... потому что там было месиво, кроваво-костное месиво, на которое нормальный, не подготовленный к такому, человек смотреть не должен. Только стуканутые на всю голову медики могут в этом копаться и еще определять, что именно они выловили.

– Я использую специальные импланты, вживляя их в сохранившиеся в целости кости черепа. Сверху покрываю все это специальным веществом, моим личным изобретением, схожим по составу с костной тканью...

Уф, в общем, я поняла только то, что Азалия по новой собрала парню череп. И он не умер во время операции... Правда, учитывая бардак внутри его головы, я не очень понимала, зачем и кому может понадобиться подобная операция, но мало ли... Я не медик.

Главное, что этот несчастный даже очнулся! И мы засняли, как он открывает глаза, как смотрит на нас сначала мутно-недоумевающе, а потом вполне осмысленным взглядом. Но я не сразу сообразила, что это не совсем правильно. Только когда он заговорил...

И тут я поняла, что попала... по-крупному попала. У меня в собственности смертник с красным контрактом, и мне надо как-то объяснять семье, куда я дела столько денег и зачем приобрела себе молодого парня.

Глава 6

Евгеника:

Странно, но мама мою покупку одобрила. Правда, поняла она ее как-то очень по-своему, но глубокомысленно покивала, переглянулась с отцом, который уже было начал возражать, и объявила, что решение я приняла правильное.

Флиртовать с равными можно, но увлекаться опасно – мальчишки потом могут возомнить о себе невесть что, начать надеяться на большее... Нет, равного надо «пробовать» лишь после того, как приняла решение выходить за него замуж. Но вступать в брак девственницей прямо-таки неприлично, надо уже знать, что ты хочешь от мужчины и что он

должен делать, чтобы доставить тебе удовольствие.

Мама говорила все это спокойным ровным голосом, словно мы про мою учебу говорили или обсуждали что-то связанное с работой. А я крутилась, краснела, бледнела и чувствовала себя очень неуютно. Мне было неудобно обсуждать эту тему даже наедине с матерью, и уж тем более за обедом. Хорошо, Эмиль отказался зайти в гости, оставшись в операционном блоке с Азалией. Хотя, если уж честно, его бы я стеснялась меньше, чем отца.

– Прислугу использовать для подобного тем более моветон, – продолжала между тем вещать моя матушка. – Этих людей надо всегда держать на расстоянии, иначе они перестанут нормально выполнять свою работу.

Я согласно покивала, через силу проглатывая тщательно пережеванное мясо. Вкусное, что самое обидное. Просто под такие разговоры у меня кусок в горло не лез.

– Купить отброс... Конечно, это вызов. Но я от тебя все время подсознательно ожидала чего-то... – мама прищелкнула в воздухе пальцами, пока подбирала нужное слово, – чего-то подобного. Конечно, брать надо свеженького, напуганного... Дать его предварительно осмотреть Азалии – очень разумная мысль. Она же ничего у него не нашла? – мать, наконец-то, сменила монотонный тон на слегка заинтересованный.

Отрицательно помотав головой, я сглотнула следующий кусок и преданно уставилась на родительницу. Мне уже было

море по колено, потому что я поняла главное – ругать меня никто не будет, смертника провести в дом позволят, а дальше дело за Азалией. Она обещала вшить в его многострадальную голову чип, с помощью которого я смогу его контролировать. Правда, как выкручиваться во время сна, я пока еще не придумала, но тут обещал помочь Эмиль.

– Замечательно. Отбросами общества иногда становятся очень... очень умные молодые люди. Если их приручить, они будут потом есть у тебя с рук и выполнять все твои поручения, даже когда срок их контракта истекает, – мама заметно оживилась, и ее щеки слегка порозовели. Она явно рассуждала не просто так, а со знанием дела. – Если что, у нас в доме есть подвал. Можешь воспользоваться им. Конечно, я в твоём возрасте уже была замужем, – было бы странно, если бы мама не напомнила мне об этом! – Но ты как раз успеешь чуть-чуть набраться опыта, прежде чем избавишься от этого... Если не сможешь приручить, то обязательно продай его кому-нибудь из другого города и не нашего круга. Так будет правильнее. А если сможешь... я подскажу, кому его подарить.

Вот тут я испуганно икнула и быстро изобразила, что поперхнулась. Я-то считала, что отбросы общества – это далекое дно, к которому люди моего круга не имеют никакого отношения. А после слов матери у меня прямо прояснение какое-то случилось. «Подскажу, кому подарить»?! Да ладно?.. Но разрешение пользоваться подвалом меня порадовало.

Хорошо, что мама не видела цвет контракта «умного молодого человека». И на напуганного он совсем не похож. Это скорее я напуганная. Но Азалия права: пускать на органы вполне себе здорового парня – преступление, а объяснить, как за сутки совершенно однозначно потерянный для разумного общества индивид снова стал умственно полноценным, подруга не могла даже нам, что уж там говорить о комиссии, принимающей ее диплом? Или о работниках центра, которым мы бы вернули выкупленного парня обратно?

Азалия раз сто ткнула мне под нос карточку с кучей непонятных слов и диагнозов, взывая:

– Ну вот смотри, тут написано же!

И она тыкала пальцем в эти непонятные мне слова, которые означали, что мозг пациента неработоспособен. Я ей верила, у меня выбора не было. Я в этих словах и терминах разбиралась как гусь в настройке мобильного.

То есть или мы молчим, и тогда убивают здорового парня, или мы признаемся, и тогда диплом подруги под вопросом – кто знает, как вывернут ситуацию с необъяснимой побочкой, которую Азалия не сможет объяснить. И следовательно, куча денег, которые я буквально выбросила на ветер. На подругу – не жалко, а вот на ветер... Ладно бы в клубе прокутила, тогда бы воспоминания остались! Да и вообще, нам нужно положительное внимание, а не подозрительная шумиха. Так что пусть себе полковник думает обо мне все что хочет. Вслух возмущаться он точно не рискнет, тем более я ему

намекнула, что мы спрятали прооперированное тело для того, чтобы конкуренты результат не испортили. А после сдачи диплома...

После сдачи диплома Азалия напряжет отца, и тот выдаст нам свидетельство о смерти... уф! И тогда...

Тогда у меня в доме вместо парня-смертника с красным контрактом окажется некто совсем без документов?! Да вашу мать, прости меня, мама!.. И что мне с ним тогда делать?!

С матерком загрузив усыпленное тело сначала на носилки, прикрыв простыней от греха, мы выкатились на улицу, сгрузили постанывающее подтверждение успешности диплома Эмилю в машину, в три пары рук, уже молча, скрипя зубами и стараясь не поругаться. Нервы у всех прямо звенели от напряжения... и от страха мутить опять начало, меня так точно.

Он же живой... шевелится... скоро очнется! А мне с ним жить! Или в подвале держать? Или, может, просто из машины в придорожную канаву? Очухается и пусть валит куда хочет?! Правда, его без документов задержат сразу, а по отпечаткам пальцев вычислят хозяина контракта. Вот позору-то будет...

Так, крепимся, пытаемся быть как мама! Уверенная в себе женщина, понимающая, что творит... А-а-а-а!

В подвал мы тащили тело уже вдвоем, Эмиль впереди, я сзади. За руки и за ноги... Вниз, по лестнице... Уф!

Кинули на пол, переглянулись и побрели ко мне в комна-

ту. Упали на кровать вдвоем и устало уставились в потолок.

– Ну мы и вляпались! – констатировал друг минут через пять вдумчивого мрачного молчания.

– Угу, – промычала я согласно, изучая идеальную белоснежность над головой.

– Чего делать будем?

Ответить Эмилю я не успела, потому что услышала, как кто-то громко и настойчиво пытается выломать дверь в подвале. Мы переглянулись, устало вздохнули и помчались вниз...

Глава 7

Вячеслав:

– Ты же не совсем дикий? – пока мы шли по лестнице наверх, этот вопрос в разных интерпретациях девчонка задала раз пять точно.

Я шел первым, потому что параноидальный Эмиль объявил, что «так положено, я в кино видел!»... Он шел за мной следом, поигрывая настройками дистанционного управления чипом в моей голове. Я буквально физически ощущал каждый щелчок и был уже на грани. Еще пара таких пафосных выкрутасов – и кто-то полетит вниз по лестнице!.. И мне будет уже до звезды, что он при этом будет делать.

– Налево, – прошипел мне параноик, когда мы вышли с подвальной темной лестницы в какой-то коридорный перекресток-развилку между частями дома. Впереди, судя по запаху, была кухня, справа и слева – лестницы наверх и длин-

ные коридоры. – Нам на второй этаж.

В доме все было сделано под дерево или из него, на стенах висели чьи-то портреты, паркетные полы покрыты коврами. А главное, сам домик был такой, что заблудиться можно. Я насчитал три двери, только пока мы шли к нужной, а коридор-то еще не закончился!..

И комнатка была такая... внушительная, как моя однушка, причем, судя по узенькой дверце рядом с входом, – с встроенным туалетом. Я рванул туда и не ошибся... Душевая кабинка, раковина, толчок... Счастье!..

– Можешь помыться и кинуть свои тряпки в утилизатор, – в дверях нарисовался Эмиль собственной персоной. Сложил руки на груди, крест-накрест, и уставился на меня с вызовом.

Я хмыкнул, опустил стульчак обратно и принялся раздеваться. Нравится ему на голых мужиков смотреть – пусть любит, мне не жалко. Правда, я уже чую, как у меня очередной приступ злости накатывает и желания всех перебить и свалить... обратно к себе свалить!.. Только вот чувствую, что не судьба.

– В утилизатор, я сказал! – и парень ткнул пальцем в какой-то люк, который я вообще сначала за украшение в стене принял. – Только не говори, что ты вырос в таком черезжопинске, где даже утилизатора нет.

– Сам ты... черезжопинский утилизатор, – мрачно буркнул я, залезая в душевую кабину и понимая, что сейчас я тут что-то сломаю, потому что ненавижу чувствовать себя иди-

отом!

– Здесь горячая, здесь холодная, – Эмиль подошел, встал рядом и повел ладонью полукруг над краном – мне на ноги сначала хлынул кипяток, потом обжигающий лед. – А когда настроишь, переключаешь на душ, – парень чуть привстал за моей спиной и прижал ладонь к стене почти под самым потолком. А потом резко отпрыгнул и захлопнул душевую.

«Гад», – это была самая цензурная мысль у меня в голове. Потому что именно на нее, на мою многострадальную голову, потоком полилось нечто чуть теплое, мощной струей.

Но я уже понял, как настроить более-менее приемлемую для меня температуру, и даже сообразил, как выключить душ: нажал рядом с краном, а потом еще раз, снова рядом с краном. Там выемка такая специальная была для пальцев. Гели, шампуни и мочалки тут, похоже, не водились или прятались. Полотенец я тоже не видел.

– Сушку включи, – за стеклом дверцы появилась моя будущая жертва. В конце концов, я тут опасный преступник с красным контрактом, так что надо оправдывать репутацию.

– Слева! Да где тебя такого отрыли? Даже в глухих деревнях канализация есть...

Я огляделся и нашел еще одну выемку под потолком. После того как я к ней прикоснулся, меня прямо обдало паром. Чуть заживо не сварился, крестовую отвертку им всем тут в задницу!

– Регулируй, debil! Придурок... – Эмиль распахнул ду-

шевую и вытащил меня оттуда до того, как я стал «Славкой на пару».

– Кретин, идиот, тупица!

– На себя посмотри, – слабо огрызнулся я, чувствуя, что завод снова заканчивается и мне пора баиньки.

– Не смей отрубаться, придурок! Твою ж мать... Евгеника, отвернись... Я твоего отброса общества из ванной на матрас перекину.

– Я еще простыню... Ой...

Вот на этом «ой» меня снова вырубило. Что-то у меня с батарейками не то последнее время...

Очнулся я в сероватой такой темени, в которой почти ничего не видно, кроме того, что под самым носом. И вдруг понял, что боюсь. Реально так боюсь даже рукой пошевелить. Это хорошо, если подо мной тот же самый надувной матрас, на который меня этот добросердечный изверг свалил как куль с дерьмом. А если опять камера? Или, того хуже, больница?! Я и раньше к больницам не очень хорошо относился, а последнее время что-то совсем их разлюбил.

Но, собравшись с духом, я пощупал пальцами то, на чем лежу, потом расхрабрился и провел ладонью рядом. Отлично! Очнулся там же, где вырубился.

Сверху что-то едва слышно поуркивало, знакомо так, но снизу видно было плохо, так что я приподнялся на локтях и замер, разглядывая сидящую на кровати боком ко мне девочку. Она свила себе гнездо из подушек у стены, уселась,

укутанная в одеяло, и чему-то там улыбалась, глядя в экран монитора.

Я сначала тоже поулыбался как дурак, глядя на это зрелище. А потом мне до удушающей тоски тошно стало. Еще сутки назад я так же улыбался, лопая салат и играя с Тринити... Еще вчера у меня была нормальная жизнь, последний курс института, тренировки с друзьями, мама, своя квартира, в конце концов! А теперь...

Я дернул рукой, чтобы потереть нос, ну и глаза тоже – зачесалось прямо все, сил нет!.. И обнаружил, что запястья поднять выше десяти-пятнадцати сантиметров от пола не могу. Нормально! Дернул ногами – та же фигня.

– Ой, ты очнулся?! А Эмиль... Эмиль домой ушел, – девочка мигом отложила свой ноут и растерянно, с легким таким страхом уставилась на меня.

– И что? Мне теперь в туалет нельзя? – огрызнулся, хотя на самом деле не хотел никуда, просто причина ж нужна, чтобы меня освободили.

Запереться бы где-нибудь, умыться... морду бы кому-нибудь начистить, особенно тому, из-за кого моя жизнь так круто сморгнула. Интересно, выясню ли я когда-нибудь, что именно со мной произошло? Вернусь ли обратно?.. Или все, теперь навсегда в этих глюках? А дальше что? Потом? Что со мной будет здесь – потом? Дома-то я без пяти минут инженер был, а тут – преступник особо опасный.

– А ты сам справишься? Эмиль сказал, что ты откуда-то

совсем из глубинки, где даже канализации нет.

Девчонка, когда смущалась, становилась трогательно-милая, но я прекрасно понимал, что явление это временное. И исключительно от милоты они меня наручниками или еще чем-то к полу зафиксировали.

Евгеника слезла с кровати, подошла ко мне и зависла, глядя на меня сверху вниз, почему-то еще больше засмущавшись. Я даже не сразу сообразил, в чем дело. Только через полминуты дошло, как до жирафа: одеялки у них тут тоненькие, а стояк у меня вполне такой, внушительный.

– Я... я тебе так нравлюсь? – поинтересовалось у меня это чудо, опускаясь на колени и нажимая на что-то на полу рядом с матрасом.

– Это физиологическое, – хмыкнул я, сразу почему-то догадавшись, о чем она спрашивает. – У тебя ж парень есть, должна знать такие тонкости.

– Эмиль просто друг, – девушка нахмурилась и посмотрела на меня с подозрением. – Иди давай и не испорти ничего!.. Ой!..

Ну да, «ой», под одеялом-то я без ничего был, так что встал и пошел куда послали. А Евгеника осталась сидеть с таким лицом, словно голого мужика впервые увидела.

Глава 8

Вячеслав:

Я в душевую уходил злющий, но глаза уже не чесались, словно лук час резал. Теперь злость тоже притихла. Накаты-

вали апатия и голод, ощутимый такой голод... и апатия на грани пофигизма.

Зато теперь смог полюбоваться на себя в зеркало, а то при блондинистом наблюдателе неудобно было. Я... Как есть я, только теперь вместо стрижки – лысая сзади башка. А челку и макушку не тронули.

Закрыв глаза, я какое-то время стоял и слушал, как льется вода в раковину. Словно я дома... Пришел из института, стою вот... Так, все, стоп! Надо на голод переключаться. Жрать хочется, сил нет. И шмоток бы...

– Слушай, я... Ой!

Я вышел из душевой как раз в тот момент, когда Евгеника подошла к двери. Так что девчонка со всего размаху врезалась мне в грудь и обнаружила очередной раз, что на мне ничего нет. Зато у нее в руках были треники. Нормальные человеческие треники... Правда, на кой они мне, если я спать сейчас снова лягу? Вот только живот крутит, кишка кишку мордует просто... и урчат при этом.

– Надевай и пошли вниз. Есть в спальне моветон...

На лестнице тускло-тускло светила невидимая лампочка, в уже немного знакомом мне коридоре с портретами тоже был приятный такой полумрак. Пока мы шли, я впереди, Евгеника следом, суфлируя шепотом, когда и где поворачивать, мне все время казалось, что я в Эрмитаже.

– Это мои родственники по маминой линии, – заметив мой интерес, пояснила девчонка. – Открывай правую дверь.

Мы пришли.

Пришли мы в небольшую залу, в центре которой стоял стол, рассчитанный человек так на десять. Вдоль стен – шкафы со стеклянными дверцами, за которыми прятались несколько столовых и чайно-кофейных сервизов. От этой выставленной напоказ фарфоровой красоты повеяло моим родным миром, и на душе вновь стало мутно. Особенно когда я увидел фигурки слоников... Семь выстроенных по росту слоников, как на полке в доме моей бабушки. Я даже застонал едва слышно, так их вид резанул что-то внутри, проткнув трясину апатии, едва начавшей покрывать мою рану корочкой.

– Болит что-то? – заволновалась Евгеника, но я лишь упрямо мотнул головой, уселся на ближайший стул и уставился на девчонку:

– Чем угощать будешь?

Та внезапно замерла, глаза большие сделала, и лицо такое, с большими буквами на лбу: «Что делать? Все пропало!» Но быстро собралась, вопрос со лба стерла, в глазах уверенность подкрутила и эдак командно-небрежно бросила:

– Сиди здесь, сейчас принесу!

Угу... ясно. Психанула вначале, как меня, такого особо опасного, одного в столовой оставлять. Можно подумать, я сейчас, пока она за едой бежит, сходу всю ее семью передую по-быстрому.

Когда спустя минут пять, а то и меньше, Евгеника возник-

ла в столовой с полным подносом в руках, мы оба облегченно выдохнули.

Она – потому что я с места не сдвинулся. А я – потому что спустя минуту после ее ухода занервничал от мысли, что сейчас вот заявится ее родня, и что мне тогда делать? Держать меня в доме ей вроде как разрешили, а вот кормить в общей столовой, может, и нет... Да и вообще не горел я желанием ни с кем знакомиться, пока окончательно не пойму, что со мной случилось и как все исправить.

Ну или как вообще мне себя вести правильно. Ненавижу дураком со стороны выглядеть...

– Вот, мясо, картошка вареная, соль... вода, хлеб... Помидоры ешь? Огурцы соленые?

Я энергично кивал на все, подтягивая поближе каждую тарелку, выставляемую с подноса. Во мне, считай, сутки ничего не было, кроме салата, который я слопал еще в своем мире.

Правда, после здоровенного куска жареного мяса и картофелины с соленым огурцом, как это ни обидно, но в меня влезло еще полпомидорины, и все. Пирог с рисом и яйцом я мог есть уже только глазами.

Горестно повздыхав, я дождался, пока Евгеника оттащит поднос обратно, судя по всему – на кухню, и потом побрел впереди нее обратно в комнату.

– Я сейчас отвернусь, ты разденешься, накроешься... и я тебя зафиксирую! – объявила она, гордо поворачиваясь ко

мне спиной. Но потом сама сообразила, как это глупо выглядит с учетом того, что они тут все на меня параноют, и, покраснев, встала боком, чтобы видеть меня краем глаза.

Мысленно я над ней поржал, вслух лишь фыркнул ехидно, стащил с себя треники, швырнул их на спинку ближайшего стула, плюхнулся на матрас, сонно отметил, как она жамкнула на кнопку у пола и мои запястья и лодыжки оказались плотно зафиксированы невидимыми, но осязаемыми цепями технического прогресса... надеюсь...

– У вас тут магии случайно нет? – уточнил я, сладко зевая.

– Нет... и вокзалов нет, – немного напряженно ответила девчонка. Я успокоенно выдохнул и сладко уснул.

Евгеника:

Едва этот странный парень уснул, я на цыпочках прокрадась к секретеру, где хранила все документы, достала его контракт, в котором был указан идентификационный номер физического лица, переходящего в собственность. Уф... Месяц назад подобное казалось немыслимым, сутки назад я воспринимала эту покупку исключительно как вложение денег в счастье подруги, подарок ей на защиту диплома. А подарок – это то, что подарил и забыл!

И вот этот подарочек сопит у меня на ковре... Моя мама считает, что я притащила себе мальчика для секса, мой друг – что я приобрела себе кучу проблем, моя подруга... Ну, Азалия счастлива, хотя и старается это не слишком демонстрировать. И еще ей немного стыдно, потому что она

не может мне ничем помочь. Красные контракты можно переоформлять только в присутствии представителя городского управления безопасностью. Но главное, если у меня есть права на покупку почти любого движимого и недвижимого имущества, то Азалии даже котенка нельзя купить без письменного согласия матери. Там все очень строго... И вряд ли ее мама оценит приобретение особо опасного отброса общества с красным контрактом. Это мне повезло!..

«Эм, ты спишь?»

«Издеваешься? Еще только час ночи!»

«Можешь пробить данные по номеру?»

«Еще бы! Я все ждал, когда ты меня об этом попросишь».

«А сам чего не предложил?»

Я даже немного разозлилась. Хорошо, что мне эта идея пришла в голову, а если бы нет? То есть, само собой, в конце концов я бы до этого додумалась, но позже, возможно – значительно позже.

«Кто из нас женщина, ты или я?»

Прямо вижу, как Эмиль ухмыляется, набирая эту фразу. Хитро вывернулся, но мне тоже есть что ему ответить.

«Можно подумать, ты сомневался, помешают ли мне эти знания!»

«А вдруг? Вы, женщины, такие странные».

«На себя посмотри... Короче, вот номер. Пробей!»

Спустя минут двадцать Эмиль прислал мне адрес. Рабочий район, но дом уровня Б, для среднего класса. То есть

настраивать горячую и холодную воду парень, живущий уже несколько лет в отдельной квартире, должен был уметь.

Спустя еще полчаса я знала, что у меня на полу спит внезапно обанкротившийся законно рожденный гражданин Северного Союза, с все еще действующей медицинской страховкой, которую еще даже не успели прервать. Причина банкротства засекречена... Засекречена причина банкротства... Это как вообще?!

«Родителей пробить?» – поинтересовался Эмиль. Я машинально кивнула, обдумывая странное загадочное поведение моего личного отброса, потом спохватилась и набрала: «Да».

«Я в шоке!

Отец – Иванов Павел, главный технолог одного из крупных столичных заводов. Второй брак. Трое законно оформленных детей.

Мать – Айгуль Гарахмундинова, разведена. Один законно оформленный ребенок».

Я несколько раз прочла присланный Эмилем текст. Нет, разводы иногда встречались, дело житейское. Обычно они происходили по инициативе женщины, чтобы та могла выйти замуж за другого мужчину, который устраивал ее больше. Но Айгуль жила одна!.. И детей у нее больше не было. Странная такая ситуация. И внезапное засекреченное банкротство. И... Все странно, начиная с того, что Вячеслав Иванов – студент того же самого института, в котором училась и

я!.. Факультет только другой, не такой элитный. И обучение на стипендию от завода, то есть заранее место работы на всю оставшуюся жизнь определено.

После окончания должен был впахивать где-нибудь в отделе своего папочки, лет двадцать получая половину зарплаты, чтобы вернуть заводу долг. Обычная жизнь среднестатистического представителя среднего класса. Ну, не считая разведенной матери...

Уф... Но как тогда он умудрился обанкротиться? И почему внезапно разучился настраивать горячую и холодную воду, забыл, где находится утилизатор? Почему он несет какую-то чушь про магию и вокзалы?! Вокзалов у нас уже лет сто как не было... Порталы были. Остановки были. Порты для большегрузов были.

«Эй, кстати, как там твой отбор поживает?» – прервал мои размышления Эмиль.

«Трое кандидатов осталось, – обрадовала его я. – Морально готовлюсь рассекречиваться и встречаться с победителями».

Глава 9

Вячеслав:

Утром я проснулся от кокетливого перешептывания Евгеники с кем-то через ноутбук.

– Нет, я еще не уверена, что ты достоин меня увидеть. Ты должен радоваться, что я позволила тебе услышать мой голос.

На девчонке были наушники, поэтому ответа на ее пафосную реплику я не узнал. Но так даже забавнее. Я улегся поудобнее, чтобы понаблюдать за ней, пока она меня не заметила. Вчера вечером Евгеника была нормальной, растерянной и немного напуганной. Сейчас это была королева, блин, какая-то, общающаяся с подданным.

Причем королева-вампир, потому что белки ее серо-голубых глаз настойчиво намекали на то, что кто-то не спал всю ночь.

– Я подумаю. Нет, тем более нет... Я рада, что ты оценил мою фигуру по достоинству.

Как я удержался и не заржал – не знаю. Целую минуту крепился, а то и две, пока Евгеника не попрощалась, такая же пафосно-величественная, и не закрыла ноутбук. После этого мы рассмеялись оба.

– Как ты его... – через смех выдавил я и даже попытался показать ей поднятый вверх большой палец, но вспомнил, что прикован к полу. Это как-то слегка снизило градус моего веселья, да и девчонка уже отхихикалась всласть.

– Зануда он, – поделилась она со мной и горестно вздохнула: – Но очень умный, прямо вот идеальный помощник для отца. И симпатичный... Родители его бы одобрили.

– А ты? – уточнил я, потому что в голосе Евгеники никакого энтузиазма не наблюдалось.

– А мне уже замуж пора, – фыркнула она и швырнула в меня подушкой: – Давай, рассказывай, откуда ты такой сва-

лился на мою голову! С засекреченным банкротством, разведенной матерью и не умеющий пользоваться техникой!

– Неправда, ноутбуком я пользоваться умею, – буркнул я и только потом подумал, что тут же вполне может быть все иначе, другая операционка, другие соцсети, другие игры, другая клавиатура!

– Одевайся, – Евгеника спустилась с кровати, проигнорировала мой стояк и отпустила меня на волю. – Умывайся и докажи, что умеешь пользоваться.

Это было почти что взятие на слабо, но я повелся. Очень хотелось понять, чем их технологии от наших отличаются.

Отнял у девчонки ноут, уселся поудобнее, порадовался, что клавиатура такая же, легко вошел в любимую соцсеть и обалдел, увидев свои фото. Записи, правда, были не совсем мои, но в моем стиле. Внутренне трясась от напряжения, попытался залогиниться. Обалдел еще больше – мои логин и пароль подошли...

Евгеника тоже смотрела на меня с каким-то подозрительным интересом, а я принялся читать записи на стене, потом полез в личку...

Верхнее сообщение было от неизвестного мне парня: «Славка, какого ты вчера прогулял тренировку?»

Я... Вчера... Прогулял... Ну да, вчера – прогулял. Я нахмурился и принялся сверлить взглядом экран, совершенно не понимая, что происходит.

Потом меня озарило, и я зашел на сайт игры, он существо-

вал и здесь. Логин и пароль подошли снова. По-моему, я тихо схожу с ума... Что там Евгеника говорила? Засекреченное банкротство, разведенная мать... Да чтобы их гаечным ключом по затылку! У меня мать счастливо замужем уже много лет. Просто ее муж усыновлять меня не стал, да и я не очень рвался звать его папочкой.

– Моя мать... Айгуль Гарахмундинова? – уточнил я. Ну и пусть идиотом буду выглядеть, если не угадаю, плевать уже. Но девчонка согласно кивнула, продолжая смотреть на меня с подозрением.

Так, отлично. Тринити... Есть ли здесь Тринити?

Не знаю, почему я вцепился в этого парня или девчонку, просто оно было последним, с кем я общался в своем мире.

«Бечик? У тебя все норм? Ты позавчера с такими искрами из игры выскочил!»

«С искрами? Скажешь тоже!» – у меня реально тряслись руки и глаз, по-моему, дергался, пока я все это набивал.

«Да, ты сказал, что понял, в чем фигня, и тебе надо срочно в библиотеку. Среди ночи. И вырубился!»

Я разочарованно выдохнул. Значит, это – не тот Тринити, хотя у того тоже была ночь, когда мы резались последний раз, но у меня-то был вечер. И я не успел ему написать про библиотеку. Я не сам вырубился, а меня вырубил. И...

«Слушай, а о какой я фигне вчера говорил?» – это сообщение я успел набить, но вот отправить мне его Евгеника не дала. Отняла у меня ноут и сама быстро набрала: «Да, почи-

тать приспичило, у меня бывает, ты же знаешь».

«=) В библиотеку среди ночи? Да впервые за три года знакомства. Хотя ты прав – придури в тебе хватает».

Я дернулся вернуть ноут себе, получил по рукам и за-
тих, глядя, как Евгеника чатится с единственным связую-
щим звеном моей шизы из этого и моего мира. То есть раз
он есть здесь и там, значит, и я могу быть здесь и там. Зна-
чит, надо найти меня здешнего, а меня нездешнего вернуть
обратно!.. Домой!.. Я хочу домой так, что прямо пиздец!

– Тут логи переписки есть? – пнула меня в бок Евгеника.

– Логи? Есть, – я несколько раз сморгнул, возвращая зре-
нию четкость. Потом до меня допер смысл вопроса. Я кинул-
ся рыться в хистори, ничего не нашел и помотал головой: –
Только на моем ноуте, в системе они не хранятся.

– Значит, надо вытрясти хистори с твоего знакомого. Так,
чтобы он ничего не заподозрил.

– Э-э-э-м...

– Да у тебя на лбу написано, что ты или не понимаешь,
или не помнишь ничего! Ни про фигню, смысл которой ты
понял, ни про библиотеку! Кстати, а в какую ты библиоте-
ку мог попереться? Только в районную, наверное. Но среди
ночи?.. – девчонка с жалостью посмотрела на меня, а потом
махнула рукой: – Сиди, Эмиль приедет, и решим.

– А без Эмиля никак? – ехидно подколол я. И так настро-
ение дерьмо было, а тут совсем испортилось.

– Он умный. А я прямо чувствую, что у нас тут все... че-

рез жопу, прости уж. Все, начиная с твоего засекреченного банкротства. И вот что за фигня, из-за которой ты в библиотеку пошел?

– Да, может, и правда фигня, – я демонстративно пожал плечами, чувствуя, как внутри все возражает против этого. Не прутся люди среди ночи в библиотеку из-за реальной фигни. Даже я. Тем более если уже игра шла... Никуда бы от игры не ушел в здравом уме.

– Так, может, напрямую и спросим? – предложил я. Но тут же сам понял, что это плохая идея, Тринити обязательно что-то заподозрит. Если оно хоть чуть-чуть похоже на моего партнера по игре – заподозрит и затаится.

«Да, я такой. Ладно, пока!» – написала девчонка вместо меня.

«А чего заходил-то?» – внезапно насторожился Тринити. Мы с Евгеникой переглянулись, я отнял у нее ноут и набил ответ:

«Да в хистори кое-что посмотреть...»

«Псих ты! Все спокойно играют, одному тебе заговоры мерещатся. Держался бы ты от всего этого подальше и хистори свое почисти! Я вот удалил все к демонам, от греха!»

Мы с Евгеникой, не сговариваясь, горестно вздохнули. И тут у ноута в правом углу замигало изображение черного паука на красном фоне. Девчонка испуганно вздрогнула, ойкнула и нажала кнопку отключения от сети. Паук забегал по монитору, становясь с каждой пробежкой все бледнее и

бледнее. Наконец, совсем исчез.

– Уф! Антивирус вовремя сработал. Кто-то пытался нас выследить. Может быть, даже твой знакомый, ведь мы только с ним и общались.

– Я еще в соцсеть заходил, – попробовал тихо вкнуть я, сам понимая, что отмаза лажовая.

– У меня настроен сброс сессии через пять минут отсутствия активности. Так что вынесло тебя из соцсети, пока мы с твоим знакомым болтали. А антивирусник сработал позже. Это самый навороченный, его брат Эмиля для безопасников писал.

– Ну раз брат Эмиля, – передразнил я, недовольно щурясь, – значит, круче только яйца!..

– Кстати, о яйцах, – внезапно оживилась Евгеника. – Пойдем позавтракаем.

Глава 10

Евгеника:

Мне с большим трудом удавалось делать вид, что ничего особенного не происходит. Все в порядке. Уф...

Мы условно спокойно позавтракали, при этом мой подопечный тоже старался не паниковать, хотя я по его лицу видела – он одна сплошная нервная клетка. Жующая, глотающая, даже отвечающая на мои вопросы нервная клетка. Я сама была не лучше, если честно.

К счастью, мама так рано не встает, а папа уже уехал на работу, так что мы провели время в столовой в одиночестве,

а потом поднялись обратно наверх.

– Дай я еще...

– Нет, – я даже отодвинула ноут и от него, и от себя по-
дальше. – Все. Пока не придет Эмиль, мы его не трогаем.
Лучше расскажи... Расскажи, что с тобой случилось.

Давно надо было спросить, наверное. Хотя когда «давно»?
Вчера нам явно было не до разговоров...

– Если бы я сам понимал! – грустно как-то выдохнул па-
рень. – Но ты не думай, по башке меня шарахнули уже после
того, как я к вам переместился!

– Как «переместился»? – не поняла я. Что-то мне все же
не по себе немного: мало того, что со мной рядом особо
опасный преступник, так еще и спятивший... Или не спя-
тивший? Вирус-то мы оба видели.

– Сам не понял! – неожиданно рыкнул на меня парень, а
потом закрыл глаза и пригорюнился на своем матрасе – свер-
нулся в клубок сидя, обнял ноги руками и лицом в колени
уткнулся.

– Мы играли. С Тринити. Вдруг свет моргнул, а когда об-
ратно врубился – я уже у вас был, не у себя... Да не смот-
ри ты на меня как на психа! – загадочный отброс общества
снова разозлился. – Параллельный мир, перпендикулярная
реальность... не знаю, короче, откуда меня к вам принесло,
но я не отсюда! У меня в мире рабства нет!.. – тут парень
тяжко вздохнул и добавил: – Такого как у вас, официально
узаконенного, – нет. И вообще многое иначе.

– Может, у тебя после операции? Последствия?

Если бы не вирус, ни за что бы не поверила, но теперь я все же засомневалась – а вдруг он не бредит? Конечно, никаких параллельно-перпендикулярных миров не существует. Но, наверное, все происходящее можно как-то логично объяснить, начиная с похода в ночи в библиотеку.

– Последствия?! – парень зло сверкнул на меня глазами и как пошел шпарить... – У вас в 1812 году война была? Что значит «кого с кем» и сейчас двадцать второй век на дворе? Так вот, у меня в мире двадцать первый! Слушай сюда... Французская революция провалилась, потому что Наполеон всех обманул, захватив власть. А потом он пошел войной на Россию... Мы постоянно с кем-нибудь воюем, потому что нас вечно пытаются завоевать. Когда нас не завоевывают, мы играем в игру «весь мир насилья мы разрушим до основания, а затем мы наш, мы новый мир построим – кто был никем, тот станет всем». Ты по датам сверяй, я сейчас тебе основные события выдавать буду, какие помню, потому что я как раз позавчера экзамен по истории пересдавал в своем институте. Спецом выучил все...

Я слушала и чувствовала, что тихо схожу с ума. Нет, я не увлекалась историей, ни новой, ни старой, ни древней. Но даты мировых войн знали даже дети, потому что мы очень гордились, что уже более трехсот лет всем Союзам удается решать все вопросы мирно. И я знала, что когда-то давно какую-то часть Северного Союза занимала такая страна, как

Росша. По звучанию и местоположению на карте чем-то похожая на Россию сбрендившего отброса.

– Смотри! – тыкал псих пальцем в карту мира, которую я нашла у себя на диске, не подключаясь к сети. – Вот ваш Союз, а вот так был наш... Советский... Он, правда, развалился еще до моего рождения. Я не мог придумать целый мир, с историей и географией. И техника у нас с вами другая... и вообще...

– Ну, веришь теперь мне? Веришь?! – парень смотрел на меня с такой странной смесью надежды, отчаяния и злой решимости, что я быстро-быстро закивала. А то по нему прямо чувствуется, что еще немного – и начнет меня трясти, требуя поверить в его странную историю...

– Короче, свет моргнул, а когда снова зажегся, в комнате стояло три мужика, объявивших, что у меня какой-то мифический долг, огромный настолько, что даже цена квартиры не покрывает, на которую, к тому же претендует мать, и что меня продадут в рабство на пять лет.

– И как пять лет обычного бытового контракта превратились в двадцать пять лет красного?

Уф! Я чуть не... Надо же, оказывается, пока мы тут активно в «верю – не верю» играли, Алита запустила в дом Эмиля. А так как он был мой давний друг и знал, куда идти, провожать наверняка поленилась... Иначе она бы постучала, объявила о том, что ко мне гость, и соблюла бы все положенные случаю приличия.

Ну а без нее Эмиль незаметно просочился в комнату и, похоже, уже давно наблюдает за нами, стоя в уголке между шкафом и стенкой.

– Потому что я мужика, который мне про пять лет объявил, завалил и попробовал сбежать... – устало выдохнул... Вячеслав. Он, конечно, не представился, но я же знаю, как его зовут, в конце концов.

– Завалил безопасника? – очень спокойно и медленно, чуть ли не по слогам, уточнил Эмиль.

– Пяткой в грудь с разбега, – небрежно пожал плечами мой чудо-отброс. – Как два пальца...

– Покажи... В стену.

– А то уж я было обрадовался, что по тебе пяткой вдарить можно! – хищно усмехнулся Вячеслав, а потом отошел к окну, пробежался и подпрыгнул... В стену он, к счастью, бить не стал, но мне хватило воображения, чтобы оценить силу не сделанного удара.

Даже после того, что мы увидели, мой друг сумел задать следующий вопрос почти спокойно:

– То есть ты владеешь запрещенными боевыми искусствами?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.